

ко-технический факультет. Простите, но здесь я уже ничего не мог поделать. Обстоятельства были выше меня. Я сдал документы, затем экзамены и стал студентом физтеха.

Выпускник
1956 г.

МЕДОВЩИКОВ Станислав Феокистович

Вспоминается январь 1956 года. Вся наша группа прибыла в Москву за получением направлений на работу. И 23 января решилась наша судьба. Мы – Борис Буров, Владимир Дружинин, Виталий Васин, Николай Дулов, Геннадий Швецов и я – получили самое далекое из всех место назначения – город Красноярск-26. Естественно, никто из нас не знал, что значит Красноярск-26. Только потом, уже на месте, мы узнали, что в этом, отдельном от краевого центра месте, идет грандиозное строительство уникального, пожалуй единственного на весь остальной мир, предприятия атомной отрасли страны. Его уникальность состоит в том, что предприятие сооружается под землей, но об этом остальной мир узнает только в начале 90-х годов. По масштабам сооружения превосходят все московское метро, со всеми дополнительными тоннелями и шахтами. Для строителей и будущих эксплуатационников создается красивый, а главное, удобный для жизни город, в котором теперь проживает несколько десятков тысяч жителей. К сожалению, события, развернувшиеся в стране в конце 80-х – начале 90-х годов, привели к банкротству предприятия и его постепенному закрытию, что привело к высвобождению рабочей силы, использовать которую на прежних производственных площадях просто невозможно по причине их загрязненности, а других, близких по условиям работы рабочих мест нет. В этом, по моему мнению, главная трагедия производств, аналогичных Красноярску-26, в том числе и ответ на один из вопросов анкеты.

Но я отвлекся от хронологии. Получив распределение, я и Борис Буров поездом Москва – Пекин 29 января 1956 года отправились в совершенно неизвестный нам край. Прибыв в краевой центр (Красноярск), кажется 2 февраля, в субботу, мы отыскивали указанный нам в Москве адрес конторы, в которую должны были обратиться. День был на исходе, и начальник конторы, которому мы передали путевки, с радостью сообщил нам, чтобы мы пришли в контору в понедельник, а где мы будем проводить 2 ночи и целый предстоящий день, его как будто и не интересовало. На наш робкий намек, что, может быть, нам разрешат остаться на это время в конторе, мы полу-

чили отказ – контора секретная, а мы еще не работники Красноярска-26. Короче, нам пришлось переночевать на столах в дощатом доме, расположенном во дворе конторы. Это помещение только условно можно было назвать домом, так как в щели между досками можно было свободно протиснуть ладонь, а температура ночью понижалась до -35°C . Вот такие испытания пришлось пройти, чтобы попасть в этот загадочный город и отогреться в буквальном смысле. Грех жаловаться, но там нам предоставили двухкомнатную квартиру на 4 молодых специалистов (я, Буров, Васин и Дулов), которые появились в городе через несколько дней. Холодная гостиница краевого центра лично для меня обошлась сильнейшей ангиной, и через 3 дня я очутился на больничной койке, пролежав на ней целых 8 дней. Надо отдать должное руководству отрасли и предприятия: городок еще только строился, а больничный комплекс уже функционировал в полном объеме, причем с перспективой не менее чем на 20 лет.

Дальше пошли горячие будни строительства предприятия, а наше участие в нем состояло в контроле проводимых работ. Через год руководство предприятия отправило нас всех на стажировку в не менее известный Челябинск-40, где мы пробыли около 8 месяцев, получив за это время не только квалификацию, но и приличные дозы облучения, как внешнего, так и внутреннего характера.

Вернувшись с Урала, мы снова включились в производственный процесс контроля строймонтажа, но уже с приличным знанием технологии своих участков. Темпы строительства были очень высокими, и это учитывая, что работы проводились в условиях тесного подземелья, когда со стороны ни подходов, ни подъездов практически не было. Сооружаемые резервуары, трубопроводы, арматура, кабельные сети и т.п. после окончания монтажа сразу же попадали под бетонирование. Поэтому у нас не было права на ошибку, так как переделка стоила неизмеримо дорого. Если бы не холодная война, которая была развернута между двумя мировыми системами, да и некоторое упрямство собственных политических лидеров, все эти огромные средства, в буквальном смысле закопанные в землю, можно было бы с великой пользой для народа использовать. (К сожалению, мы почему-то всегда умны задним числом.)

Так или иначе я все больше убеждался во мнении сменить свое амплуа и вернуться к идее перехода в науку, благо по окончании ФТФ мне неоднократно С.П.Распопин предлагал остаться на факультете для научной работы. Такой случай представился, и в ноябре 1961 года я перешел на работу в Научно-исследовательский институт атомных реакторов (НИИАР) в г. Мелекессе Ульяновской области (ныне г. Димитровград). Первое время в НИИАРе также пришлось заняться курированием проектно-строительных работ ядерно-химической установки. Однако разногласия между двумя научными организациями, которые опекали сооружение установок НИИАРа, приве-

ли к закрытию этой установки. Поэтому пришлось скорректировать свое научное направление и заняться проблемой захоронения радиоактивных отходов. Была создана небольшая лаборатория, и в течение примерно 5 лет проведен цикл исследований и экспериментов, результатом которого явился разработанный достаточно универсальный способ отверждения жидких отходов. Но, как у нас водится, до внедрения этого способа дело так и не дошло. Единственно, что хотя бы как-то оправдывает затраченные средства и время, так это защита по материалам исследований кандидатской диссертации. Но это произошло позднее, когда судьбою мне было предназначено перейти на работу в Институт атомной энергии им. И.В.Курчатова. А до этого я поменял свое место работы в НИИАРе, занявшись химическими проблемами натриевого теплоносителя реактора на быстрых нейтронах БОР-60. Его физический пуск был проведен в конце 1967 года. Затем пошли серые будни эксплуатации реактора, от которых спасло приглашение на работу в Курчатовский институт.

В этом институте на лабораторию, в которой я работал, возлагалось научное руководство созданием в Научном центре АН «Красная Пахра» (ныне г. Троицк) реактора – нейтринного генератора в составе строящейся мезонной фабрики ИЯИ. Уж и не знаю, со мной ли это связано, однако нейтринный генератор приказал долго жить: его проектирование и тем более строительство было прекращено. С позиций нынешнего времени сделано это было абсолютно правильно, ибо иметь рядом с Москвой (всего в 20 километрах) радиационно опасный для окружающей среды объект было нецелесообразно.

Так или иначе, нашу лабораторию академик Е.П.Велихов пригласил в филиал ИАЭ (ФИАЭ), расположенный в г. Троицке (ныне Институт термоядерных исследований – ТРИНИТИ) для решения ряда проблем будущих термоядерных реакторов. В ФИАЭ кроме всего прочего пришлось в течение 5 лет проработать секретарем парткома с освобождением от основной работы. Однако меня никогда не прельщала общественная работа и по ее окончании я снова вернулся к научной деятельности, но уже на новую установку, сооруженную в ФИАЭ, – установку инерциального термоядерного синтеза «Ангара-5». Поэтому основные мои научные достижения связаны именно с этой установкой. Мне удалось решить проблему создания разнообразных мишеней и помочь занять установку «Ангара-5» одно из лидирующих мест в мире среди установок этого класса, о чем свидетельствуют многочисленные достижения, признанные в США, Англии, Японии, во Франции и других странах. А мне это помогло участвовать в совместных экспериментах в Национальных лабораториях фирмы Sandia (г. Альбукерке, штат Нью-Мексико, США, 1994 год) и в Институте физики плазмы и лазерного микросинтеза (г. Варшава, 1997 год). Работа продолжается.